DOI: 10.17976/jpps/2019.02.12

К ДЕБАТАМ О ТЕОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ: ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТИ

Е.Б. Павлова, Т.А. Романова

ПАВЛОВА Елена Борисовна, кандидат политических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, старший научный сотрудник Университета Тарту, Тарту (Эстония), email: e.pavlova@spbu.ru; **РОМАНОВА Татьяна Алексеевна,** кандидат политических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, email: t.romanova@spbu.ru

Павлова Е.Б., Романова Т.А. К дебатам о теории международных отношений: переосмысление междисциплинарности. – Полис. Политические исследования. 2019. № 2. С. 161-172. https://doi.org/10.17976/jpps/2019.02.12

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 17-18-01110).

Статья поступила в редакцию: 15.01.2018. Принята к печати: 15.04.2018

Аннотация. Публикация представляет собой отклик на ряд статей, посвященных дискуссии о современном состоянии науки о международных отношениях, начатой в предыдущих выпусках журнала "Полис. Политические исследования". Акцент сделан на проблемах изучения теории международных отношений в Российской Федерации. Подчеркивается недостаточное в отечественных исследованиях внимание к современным тенденциям, а также проблема восприятия теоретических подходов и методов через призму идеологии, что в итоге ведет к сложностям включения российского академического сообщества в мировую научную дискуссию. Особое внимание уделено специфике формирования новых теоретических подходов, где тон задает междисциплинарность. Этот аспект становится центральной темой дебатов о самой сути теории международных отношений, а следовательно, его игнорирование серьезно ограничивает возможности отечественной аналитики. В качестве иллюстрации приведен пример анализа Глобальной стратегии Европейского союза 2016 г., ключевой категорией которой стало понятие "стрессоустойчивость". В статье демонстрируется неизбежность обращения к теоретическим наработкам для анализа как этого документа, так и современных отношений России и Европейского союза в целом. В первом разделе авторы фокусируются на специфике обращения к теории международных отношений российским академическим сообществом. Второй раздел посвящен основным проблемам современной дискуссии о сути международных отношений. В третьем разделе приводится пример применения теоретических подходов к конкретному документу, значимому для отношений России и Европейского союза (Глобальной стратегии Европейского союза 2016 г.).

Ключевые слова: теория международных отношений, социетальные множества, междисциплинарность, конструктивизм, стрессоустойчивость, Великие дебаты, Глобальная стратегия Европейского союза.

Вопрос о сути и содержании дисциплины "Международные отношения" все чаще становится предметом острых дискуссий в академических изданиях. Ученые задаются вопросом, что именно отличает "международные отношения" от других направлений социальных наук, как формируются теоретические подходы в этой дисциплине и как следует ее изучать. Именно поэтому проблематика научной дискуссии, предложенная Т. Алексеевой [Алексеева 2016] и М. Лебедевой [Алексеева, Лебедева 2016] и продолженная А. Сергуниным

и В. Конышевым [Сергунин, Конышев 2017], представляется крайне важной и актуальной. Однако, вступая в полемику или поддерживая указанных авторов, мы не хотели бы ограничиваться только этим публикациями. Позволим себе включить в статью отклики и о других работах, связанных с размышлениями о теории международных отношений, опубликованных за последние три года [Карягин, Сунгуров 2016; Патрушев 2016; Швырков 2017]. Отталкиваясь от дебатов, развернувшихся на страницах журнала "Полис. Политические исследования", мы можем условно выделить ряд наиболее востребованных тем.

Во-первых, это вопрос об адресности науки о международных отношениях. Здесь важными элементами дискуссии становятся возможность создания российской школы и проблема идеологии в исследованиях. Во-вторых, это необходимость обращать внимание на методы исследования, причем фокусироваться не только на наработках середины XX в., но и на современных подходах. В-третьих, это междисциплинарность современного гуманитарного знания, которая, с одной стороны, дает больше возможностей в исследовании политических реалий, но с другой – требует более строгого отношения к теоретическим подходам.

Статья разделена на три части. В первой мы сфокусируемся на основных проблемах развития теории международных отношений в Российской Федерации и ее применения при анализе политических явлений. Вторая посвящена современной дискуссии о международных отношениях в рамках междисциплинарных подходов. В третьей части проиллюстрируем наши тезисы при помощи дискурс-анализа Глобальной стратегии Евросоюза[1] – документа, определяющего политику ЕС, в том числе в отношении России. Пример призван не только продемонстрировать необходимость определения теоретической базы и методов при анализе стратегически важных документов, но и показать востребованность междисциплинарного знания в современной науке.

Место теории международных отношений в российском академическом дискурсе

Дебаты о "провалах" в исследовании международных отношений активно ведутся как в России, так и на Западе. Целый ряд кризисов современности, как отмечает Н. Загладин [Загладин 2015], оказался вне прогнозов академического сообщества, что серьезно дискредитировало исследования международных отношений. Поэтому академическая дискуссия о международных отношениях находится в условиях активного поиска новых теоретических направлений. Тем не менее участие российских ученых в дискуссии пока ограничено. Это не может не беспокоить, особенно теперь, когда ситуация в мировой политике далека от стабильной, и именно Российской Федерации подчас отводится роль "главного возмутителя спокойствия". Необходим диалог (прежде всего России), чтобы донести до западных партнеров наши аргументы. И вопрос здесь не в наличии или отсутствии разных ценностей и интересов. Во многих случаях проблема состоит в структуре аргумента, выстраиваемой на базе определенных теоретических подходов и методов, т.е. той части науки о международных отношениях, которая у нас находится далеко не в лучшем состоянии. Грамотное использование теоретической базы при анализе эмпирических наработок вызывает наибольшие

[1] High Representative of the Union for Foreign Affairs and Security Policy. 2016. Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy. – *European Union External Action Service. Official Website*. 28.06. URL: http://eeas.europa.eu/archives/docs/top_stories/pdf/eugs_review_web.pdf (accessed 11.12.2018).

сложности у молодых специалистов, и преодоление этой проблемы представляется не менее важной задачей, нежели разъяснения основ теории. Понимание, что исследование политической реальности требует обязательного обозначения теоретических рамок, что теория международных отношений – инструмент познания, а не нечто абстрактное, к сожалению, не всегда формируется в рамках академических курсов по теории. Данная проблема не раз становилась предметом дискуссии, но, на наш взгляд, она по-прежнему далека от разрешения. Как указывает В. Гельман (и с ним нельзя не согласиться), российские исследователи рассматривают теорию не как инструмент анализа, а как набор доктрин, в который можно верить или нет [Gelman 2015].

Сразу оговоримся: мы не настаиваем на идее неизбежности лишь одной парадигмы развития или единой парадигмы познания политических реалий. Подобная позиция уже не характерна и для западной науки, где призывы отказаться от условного евроцентризма занимают одно из ключевых мест. Недаром перспективным направлением в современной науке стал постколониальный подход, предполагающий пересмотр западного инструментария и выдвижение новых путей мирового развития. Так, в статье Т. Алексеевой и М. Лебедевой рассматриваются китайские научные школы как источник нового знания об окружающей действительности [Алексеева, Лебедева 2016], мы можем дополнить этот пример, обратив внимание на попытки пересмотра индейских концепций развития как возможной альтернативы неолиберальному миропорядку [Павлова 2017]. Стремление к новым направлениям в изучении международной реальности уже давно в центре дебатов [Non-Western... 2013]. Однако включение новых участников из разных стран в дискуссию обусловлено не только их новаторскими идеями, но и способностью донести до Запада эти идеи понятным языком.

Российский вклад в эту дискуссию пока минимален. С чем это связано? На наш взгляд, здесь как минимум две серьезные проблемы. Во-первых, в российском академическом сообществе есть недопонимание того, что теоретические исследования не могут быть нацелены на выявление элементов, способствующих осуществлению конкретных целей отдельных государств. Теория априори должна носить общий характер и быть применимой к самым разным субъектам мировой политики. Именно поэтому популярная идея о создании российской школы исследования международных отношений, которая бы донесла до остального мира интересы России и дала бы нам собственный инструментарий анализа мировой политики, кажется по меньшей мере неактуальной. Подобный план в принципе неосуществим, так как даже появление "Английской школы международных отношений" – скорее результат стечения обстоятельств, а не целенаправленных усилий. Сам термин "английская школа" служил критерием разграничения появившегося нового подхода, отличного от разрабатывавшегося в то время американскими исследователями. Однако он совершенно не связан с особым "английским" в*и*дением мировой политики или с государственными интересами Великобритании. Таким образом, не отрицая возможности появления научных школ на базе российских учебных заведений, мы хотим обратить внимание на антинаучность постулирования этого процесса как конкретной задачи. Интересы страны, артикулируемые политическим элитами, не могут стать основой подобной школы.

Во-вторых, и эта проблема представляется нам гораздо более серьезной для решения, в нашей стране проявляется невнимание, а подчас и нежелание знакомиться с актуальными западными течениями научной мысли, что слу-

жит источником появления странных постулатов, бытующих среди многих российских специалистов. Так, часто встречается в корне неверная мысль, что лишь теория реализма ставит своей задачей анализ "реального" мира, в то время как другие подходы, например, конструктивизм, этот мир "конструируют" (см. [Конышев, Сергунин 2013: 70]). Можно вспомнить и ироничное отношение к геополитике как к теории, фокусирующейся исключительно на идее российского превосходства[2], в то время как пространство как ключевая категория современной критической геополитики уже давно исследуется в рамках постпозитивистских подходов. Удивляет, когда, работая над серьезными исследованиями по проблемам идентичности, авторы (см., например [Пушкарева 2017, Тхагапсоев 2013]) игнорируют практически всю современную дискуссию по данной проблематике (например, работы И. Ноймана [Newmann 2017], Р.Н. Лебоу [Lebow 2008], Р. Брубейкера [Brubaker, Cooper 2000] и других). Серьезным пробелом в работах российских авторов является и невнимание к методам исследования, хотя в последние годы предпринимаются попытки компенсировать эту проблему, что крайне важно для развития дисциплины (см., например [Стрежнева 2017, Турченко, Завадская 2016]).

Тем не менее пока некоторые опубликованные работы по теории международных отношений вызывают скорее недоумение, чем желание подискутировать. Такой работой, например, является статья А. Швыркова "Политическая теория, дискурс и реальность: предварительный анализ взаимоотношений" [Швырков 2016]. Уже с первых строк статья, судя по названию претендующая на серьезный вклад в академическую дискуссию, удивляет. Автор формулирует свою цель следующим образом: "почему политики лгут, а мир продолжает существовать?". А почему, собственно говоря, он должен был бы рухнуть? Этого автор не проясняет, и цель, как и сама логика рассуждений автора, остается за кадром. Активно цитируя политических философов и исследователей международных отношений мирового значения, А. Швырков представляет читателю странную смесь эссенциализма и конструктивизма, смысл которой остается неясным. Однако главная проблема работы не в этом, а в том, что подобные рассуждения выглядят наивно. Давая свои собственные определения политическому дискурсу и никак не обосновывая их, автор представляет нам текст о важности понимания теории и методологии познания реальности, игнорируя существующие теории и подходы. "Хорошо структурированный дискурс", к которому в заключении призывает автор, – концепция, противоречащая современной *академической* дискуссии по этой теме. На наш взгляд, проблема здесь в игнорировании современных дискуссий по данной проблематике, сознательном или бессознательном. И, возможно, некоторые пробелы восполнит дискуссия, развернувшаяся на страницах "Полиса".

При анализе конкретных политических событий, указывают Т. Алексеева и М. Лебедева [Алексеева, Лебедева 2016], одной из частых проблем становится пересечение теории и идеологии в российской науке. Речь идет не об идеологизированности современной аналитики, которая приводит к написанию статей, демонизирующих Запад или Россию; это, к сожалению, общемировая трудность сегодняшних исследований: происходит идеологизация самой методологии. Как верно отмечают В. Конышев и А. Сергунин, проблема в некритическом заимствовании ряда идей западных исследователей [Конышев, Сергунин 2017: 157] –

[2] Медведев С. Зомби-геополитик. – *Inliberty.* 27.02.2017. URL: http://www.inliberty.ru/blog/2514-Zombigeopolitik (accessed 11.06.2017).

теоретические подходы переосмысления международной действительности прочно связываются с идеологией, в рамках которой они были сформулированы, и их методологическая важность недооценивается. Чаще всего такое отношение к теориям связано и с идеологической позицией самих ученых. Возникает странный дисбаланс, когда представляется, что для Европейского союза следует использовать конструктивистский подход, в то время как изучение России возможно только лишь с отсылками на реализм и геополитику начала и середины XX в. Преодоление этой антинаучной предпосылки сегодня, в условиях нарастающих противоречий, становится ключевым моментом.

Важно, что в России подобная ситуация во многом ведет не только к дискредитации науки о международных отношениях, но и к растущей неуверенности экспертов в своей востребованности. Так, в статье М. Карягина и А. Сунгурова [Карягин, Сунгуров 2016] приводятся достаточно неутешительные данные о профессиональной неудовлетворенности, а также разрыве в сообществе экспертов, где присутствует определенный антагонизм между условными Ист-сайдом и Вест-сайдом (классификация предложена М. Соколовым [Соколов 2012]). Предполагается, что участники Вест-сайда – это эксперты, хорошо знакомые с западными канонами современной науки и ориентирующиеся на исследовательскую работу, в то время как Ист-сайд фокусируется на обучении студентов в рамках российских научных подходов. Мы вынуждены констатировать, что ситуация действительно такова, и именно она требует серьезного внимания со стороны академического сообщества. Да, действительно вопрос определенной идеологической ангажированности экспертной деятельности, о которой также пишут М. Карягин и А. Сунгуров, имеет место, но это вопрос моральной ответственности отдельных экспертов, в то время как обучение нового поколения – проблема общероссийского масштаба, и принимать в ней участие должны представители обеих сторон, отбросив свой "снобизм". На сходные проблемы указывает и С. Патрушев, фокусируясь на возможности изучения политических процессов без формулирования своей позиции по отношению к конкретным властным структурам [Патрушев 2016: 156]. Подчеркивает он и другой момент: в академическом сообществе политические взгляды, "имплицитно действующие, не рефлексируемые их носителями", могут служить одним из факторов дифференциации этого сообщества [там же: 155]. И этот момент хотелось бы особо подчеркнуть – подобная возможность дифференциации, а она существует, и есть серьезная проблема.

МНОЖЕСТВЕННОСТЬ СООБЩЕСТВ И МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ В ИССЛЕДОВАНИИ ИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Ключевым аспектом статьи Т. Алексеевой, вызвавшим весьма критический ответ В. Конышева и А. Сергунина, стал вопрос о "Великих дебатах" как наиболее распространенном принципе структурирования курса "Теория международных отношений". В своей работе Т. Алексеева отмечает, что идея о "Великих дебатах" – это не более чем попытка "очертить теоретические контуры и проблемное поле" дисциплины [Алексеева 2016]. Сегодня такой подход к переосмыслению "Великих дебатов" уже не ставится под сомнение западными учеными. Размышления на эту тему мы можем обнаружить не только в многочисленных статьях, но даже уже в четвертом издании учебника Университета Оксфорда по теории международных отношений. В заключении к этому учебнику один из самых именитых теоретиков современности Оле Вэвер подчеркивает, что

в академических публикациях мы наблюдаем явный отход от "Великих дебатов" в пользу разных новых, не всегда связанных с классикой теории международных отношений, подходов [Waever 2016: 313]. В. Конышев и А. Сергунин в ответе на статью Т. Алексеевой в целом поддерживают ключевые идеи автора о возможности подобной дискуссии, однако их критика, связанная с конструктивистским подходом, не может не удивлять [Конышев, Сергунин 2017]. Вопрос о приемлемости конструктивизма для изучения международных отношений уже полвека не является спорным. (И подобное отрицание конструктивизма было предметом дискуссии на страницах "Полиса" в 2013 г. [Конышев, Сергунин 2013; Сафронова 2013]). Применение или отказ от конструктивистских методов – личный выбор автора, который, на наш взгляд, не имеет отношения к вопросу структурирования курса по теории международных отношений. Конструктивизм стал такой же классикой, как и неореализм, и он точно так же, с одной стороны, может быть предметом дискуссии о границах его использования, а с другой – существует как неотъемлемая часть современной системы знаний о международных отношениях. В условиях, когда существование единой теории международных отношений, чью линейную эволюцию мы можем проследить, ставится под сомнение большинством ведущих ученых, для нас крайне важно изучение и обучение теории с самых разных позиций.

Еще в 2013 г. в специальном выпуске "Европейского журнала по международным отношениям" указывалось на "интегративный плюрализм" сегодняшних дебатов [Dunne et al. 2013]. Под ним ведущие теоретики международных отношений понимают не суммирование различных теорий, а поддержание их широкого многообразия, поскольку только так можно анализировать сложные, комплексные феномены мировой политики [ibid.: 416]. Важно также, что многообразие этих теорий поддерживает возрастающая междисциплинарность подходов в изучении международных отношений. Так, начиная с "Ориентализма" Э. Саида [Саид 2006] – работы, продемонстрировавшей огромный потенциал междисциплинарного подхода в изучении политических феноменов, – и заканчивая "квантовой теорией" А. Вендта [Wendt 2015; Алексеева, Минеев, Лошкарев 2017], предполагающей переосмысление социальной и политической действительности сквозь призму иного восприятия природы ее возникновения и функционирования, теория международных отношений постоянно расширяет поле возможных подходов к мировой политике. Теория лиминальности, пришедшая к нам из антропологии и помогающая выявить ряд характеристик переходного состояния социальных субъектов [Rumellili 2012; Сморгунов 2012], или математический подход при артикуляции новой онтологии политического [Бадью 2005] – все это, безусловно, нельзя учесть в рамках одного курса по теории международных отношений, но представление о таких возможностях является важной частью знания о них. Так, задавая вопрос о возможности артикуляции "великой идеи", Дж. Розенберг говорит о неизбежности обращения к трансдисциплинарному потенциалу международных отношений [Rosenberg 2016].

Если мы говорим о разнообразии и междисциплинарности в исследованиях международных отношений, то возникает вопрос: можем ли мы вообще говорить о такой научной дисциплине, как международные отношения? Решение данной проблемы видится в переосмыслении самого подхода к проблеме. Размышляя об этом, Дж. Розенберг пишет, что международные отношения никогда не имели своего собственного поля, являясь лишь субдисциплиной в рамках политических наук [ibidem]. Тем не менее, уточняет Дж. Розенберг, выявление подобного поля возможно. Речь идет о множественности сосу-

ществующих обществ, или социетальной множественности, так как только понятие "международный" соответствует пониманию, что человеческое существование не задано одной траекторией, а представляет собой множество различных линий [ibidem]. На первый взгляд кажется, что эта идея сродни популярному в российской науке цивилизационному подходу, но это не совсем так. В фокусе внимания здесь не столько разнообразие сообществ и политик, сколько возможность исследовать их множественность посредством изучения постоянно изменяющихся и взаимодействующих элементов, обусловливающих международные отношения как таковые. При этом подобные исследования уже изначально требуют выявления теоретических рамок анализа, иначе все будет сведено к перечислению потенциальных различий и сходств.

Пересмотр "Великих дебатов", как было указано в статье Т. Алексеевой, не ведет к отказу от этой периодизации, существенно облегчающей первое знакомство с этапами развития научной мысли. В то же время не стоит и переоценивать важность "Великих дебатов" для науки. Очевидно, что изучение современных направлений теории международных отношений требует обновления структуры курса, где акцент на междисциплинарность современных подходов займет свое место. Наиболее важным моментом отражения современной дискуссии становится демонстрация сути самой дисциплины "Международные отношения", ее проблемного поля, что возможно только через теоретическое переосмысление практик взаимодействия сосуществующих обществ, о которых пишет Дж. Розенберг. Именно поэтому, добавляет он (и с ним согласны другие авторы), "развитие теорий" начинает уступать место "тестированию" оных. То есть многообразие теорий мыслится сегодня как возможность разобраться в самых разных проявлениях международного взаимодействия. Российские ученые также неоднократно указывали на важность междисциплинарного подхода [Алексеева, Лебедева 2016; Загладин 2015], что позволяет надеяться на появление новых интересных теоретических наработок в отечественной науке.

Теория через эмпирику или эмпирика через теорию

Проиллюстрируем значимость междисциплинарности в исследованиях международных отношений на примере изучения отношений России и ЕС. Обвинения Москвы из Брюсселя по самым разным поводам уже давно стали ежедневной политической новостью, почти обыденностью. Более того, постепенно негативные заявления в отношении России стали частью важных аналитических исследований, имеющих непосредственную связь с европейской элитой. Так, в докладе Института стратегических исследований ЕС Россия почти впрямую обозначалась как источник угроз для ЕС, противостоять которым ЕС может через "стрессоустойчивость" [Романова 2017]. Что означает "стрессоустойчивость"? Просто отбросить эту категорию невозможно, а значит необходимо разъяснить, как она стала частью официального дискурса ЕС и как выстраивать отношения с партнером, который объявляет себя стрессоустойчивым по отношению к нашей (российской) политике, а также намерен развивать стрессоустойчивость у своих соседей и партнеров.

Международные отношения все настойчивее требуют от отечественного ученого умения разъяснить ключевые категории артикуляции внешней политики зарубежных партнеров, основывающиеся на современных теоретических наработках. Необходимость подключения академического знания и научного подхода обусловлена и спецификой современных политических категорий,

которые приходят в политику из разных областей науки, как указанная выше категория "стрессоустойчивости", и, соответственно, не могут быть интерпретированы лишь на бытовом уровне.

Официально концепция стрессоустойчивости стала ключевой для внешней деятельности ЕС в 2016 г. после формулировки Глобальной стратегии, хотя возник этот термин в документах ЕС в 2012 г. в контексте политики помощи и развития стран Африки, Карибского бассейна и Тихого океана [Романова 2017]. Однако еще задолго до этого категория стрессоустойчивости активно обсуждалась в академических дискуссиях. Следовательно, первым пунктом, нуждающимся в прояснении, становится вопрос происхождения этой категории, что и приводит нас к необходимости обращения к теоретическим дебатам. Причем к дебатам междисциплинарным, так как впервые эта категория в современном значении появилась в работе известного эколога К. Холлинга "Стрессоустойчивость и стабильность экологической системы", где под ней подразумевалась "мера стойкости систем и их способность поглощать изменения и нарушения, поддерживая те же соотношения между популяциями или переменными состояния" [Holling 1973: 14]. Из экологии и экономики идея стрессоустойчивости постепенно перешла в другие дисциплины, в том числе и в международные отношения [Handbook 2016]. Тем не менее главные характеристики стрессоустойчивости остаются сквозными, что и позволяет применять ее в исследовании современной политики.

Условно мы можем выделить три направления исследования и применения концепции стрессоустойчивости в политических науках. Во-первых, это общая теория стрессоустойчивости, фокусирующаяся на самом понятии в разных дисциплинах, а также на его ключевых характеристиках. Во-вторых, существует ряд работ, где исследуется понятие "стрессоустойчивость" как часть политического дискурса. Третье направление, наиболее важное именно для международных отношений, – это анализ стрессоустойчивости как неотъемлемого свойства любой системы, где основное внимание уделяется попыткам определить, как именно проявляется это свойство в рамках различных социетальных множеств и как оно влияет на текущие события.

Теория стрессоустойчивости остается точкой отсчета понимания стрессоустойчивости как базовой категории в европейском официальном дискурсе. Следовательно, первым этапом исследования современной повестки дня Брюсселя становится обращение к общей теории, так как мы должны понимать, что именно скрывается за этим понятием и какие характеристики ему соответствуют [Handbook 2016]. Только после прояснения этой проблемы мы можем обращаться к самой концепции и специфике ее появления в официальном дискурсе ряда государств и международных организаций [Трещенков 2019]. Европейский союз мыслит себя как часть мировой системы и, соответственно, международный контекст – одна из ключевых линий, задающая условия восприятия и формирования категории стрессоустойчивости в академических и политических дебатах внутри Европейского союза. Выявить специфику дискурса стрессоустойчивости в международных отношениях можно только через призму конструктивистского подхода, что возвращает нас к необходимости уточнения теоретических рамок исследования и методов. Очевидно, что решение подобной задачи возможно лишь с помощью дискурс-анализа.

Для разъяснения основных характеристик понятия стрессоустойчивости для Европейского союза необходимо также изучение дискурса ЕС, в рамках которого артикулируется концепция стрессоустойчивости. В отличие от других акторов

международных отношений, Европейский союз формулирует стрессоустойчивость в рамках нормативного дискурса. Подобная позиция важна для Российской Федерации, так как позволяет понять логику становления этой концепции именно в контексте взаимоотношений ЕС с третьими странами. Более того, это понимание дает возможность проследить новые этапы развития идеи нормативного влияния ЕС и соответствующую деятельность его институтов. Ключевые работы, опубликованные по теме нормативных трендов и механизмов в рамках европейской интеграции, строятся на логике конструктивистской методологии, что позволяет нам продемонстрировать не только важность теории, но и ее применимость при анализе становления повестки дня Евросоюза. То есть мы не просто описываем включение понятия "стрессоустойчивость" в европейский дискурс, но и анализируем его наполнение, что является важным моментом для последнего этапа – демонстрации потенциала его применения в политике.

Таким образом, приведенный пример доказывает обусловленность современных политических практик взаимодействия определенными теоретическими подходами. Невозможно анализировать взаимоотношения между Кремлем и Брюсселем, не понимая, как именно появилась и как может быть задействована концепция стрессоустойчивости, лежащая в основе новой Глобальной стратегии ЕС. Безусловно, многообразие и сложность современной системы отношений России и ЕС не могут быть сведены к единой модели восприятия политической действительности. Однако концепция стрессоустойчивости, выдвинутая Брюсселем в 2016 г. на первый план, задает определенную структуру взаимодействия, понять которую позволяет только ее теоретическое переосмысление. Мы можем и просто отбросить эту концепцию как незначащую, но тогда возникает уже практический вопрос: "Как строить диалог с Евросоюзом и решать современные проблемы?". Очевидно, что именно стрессоустойчивость становится точкой отсчета европейской интеграции на современном этапе, а это значит, что без обращения к теоретическим наработкам будет непросто понять, как видит себя один из главных российских партнеров – Европейский союз, а также предложить оригинальные пути преодоления современного кризиса в отношениях Москвы и Брюсселя.

Заключение

Теория, пишет С. Гуццини, это не только результат знаний, но и условие возможности его формирования [Guzzini 2013: 513]. Часто в России теория международных отношений видится либо как отвлеченные рассуждения, мало связанные с реальностью мировой политики, либо как идеология в чистом виде. Более того, подчас после чтения серьезных публикаций, посвященных теории международных отношений, складывается ощущение, что для авторов теория существует лишь как отвлеченный элемент, не имеющий связи с анализом реальности. Понимание того факта, что теория международных отношений – это инструмент познания, выбор которого осуществляется в зависимости от объекта исследования, а не от личных предпочтений исследователя, ускользает из российского академического дискурса. Обращение к теоретическим исследованиям лишь как к виньетке делает российские работы неконкурентными в мировом академическом дискурсе, и пока мы не сумеем объяснить эту истину нашим студентам, никаких прорывов в изучении международных отношений в России ждать нельзя.

Сегодня дебаты о сущности международных отношений как дисциплины актуальны как никогда. Множество сосуществующих обществ как ключевое

поле исследования диктует нам и новые подходы, где междисциплинарность становится осью понимания реальности. Следовательно, как пишет О. Вэвер, современные исследования международных отношений могут быть сфокусированы на предметном подходе или на методологической дискуссии, но игнорировать теорию они не могут [Weaver 2016: 318]. Однако в российской науке о международных отношениях вопросы методологии остаются еще менее востребованы, чем теоретические знания, и все это вместе ведет к игнорированию теории и методов исследования в прикладных курсах, что подчас низводит науку о международных отношениях до уровня публицистики.

Внимание к современным теоретическим дебатам и методам – одно из ключевых требований как с практической точки зрения, так и с точки зрения включения российской академической науки в мировую. Структура курса по теории международных отношений должна отвечать этому вызову, и тогда, возможно, появятся оригинальные новые теории, сформулированные на базе российских научных институтов, которые будут результатом серьезного переосмысления политической действительности, а не просто попыткой создать самобытную идею, полностью противоречащую научному знанию.

DOI: 10.17976/jpps/2019.02.12

DEBATES IN INTERNATIONAL RELATIONS THEORY: RETHINKING INTERDISCIPLINARITY

E.B. Pavlova[1,2], T.A. Romanova[1]

[1]Saint Petersburg State University. St. Petersburg, Russia

[2]University of Tartu. Tartu, Estonia

PAVLOVA, Elena Borisovna, Cand. Sci. (Pol. Sci.), Associate Professor, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg; Senior Researcher, University of Tartu, Tartu, email: e.pavlova@spbu.ru; **ROMANOVA, Tatiana Alekseevna**, Cand. Sci. (Pol. Sci.), Associate Professor, Saint Petersburg State University, St. Petersburg, email: t.romanova@spbu.ru

Pavlova E.B., Romanova T.A. Debates in International Relations Theory: Rethinking Interdisciplinarity. – Polis. Political Studies. 2019. No. 2. P. 161-172. (In Russ.) https://doi.org/10.17976/jpps/2019.02.12

Acknowledgements. The research has been executed under the grant of the Russian Science Foundation, project № 17-18-01110.

Received: 15.01.2018. Accepted: 15.04.2018

Abstract. This piece is a reaction to the series of articles on the state of IR discipline published in the previous issues of this journal. The authors emphasise the problems of IR theory in Russia (insufficient attention to the current IR trends, ideologization of theories and methods, which leads to numerous difficulties of integration of the Russian academic community into the world academic discussion). Particular attention is paid to the specificity of the formation of new theoretical approaches where interdisciplinary character is the key underlying principle. Ignoring it would seriously limit the capabilities and depth of Russian analytics. To illustrate these points, the article addresses the analysis of the EU Global Strategy – 2016 with 'resilience' as the key category. The article demonstrates inevitability of addressing theory for the sake of analysis of this document as well as for the study of EU-Russian relations at large. The first part of the article examines the specificity of how IR theory is addressed by the Russian academic community. The second part is devoted to the main problems of the contemporary discussion on the essence of IR. The third part gives an illustration of how theoretical approaches can be used to analyse one specific document, which is important for EU-Russian relations.

Keywords: IR theory, empirics, multiplicity, interdisciplinary character, constructivism, resilience.

References

Brubaker R., Cooper F. 2000. Beyond "Identity". – *Theory and Society.* Vol. 29. No. 1. P. 1-47. http://dx.doi.org/10.1023/A:1007068714468

Dunne T., Hansen L., Wight C. 2013. The End of International Relations Theory? – *European Journal of International Relations*. Vol. 19. No. 3. P. 405-425. https://doi.org/10.1177/1354066113495485

Gelman V. 2015. Political Science in Russia: Scholarship without Research? – *European Political Science*. Vol. 14. No. 1. P. 28-36. http://dx.doi.org/10.1057/eps.2014.33

Guzzini S. 2013. The Ends of International Relations Theory: Stages of Reflexivity and Modes of Theorizing. – *European Journal of International Relations*. Vol. 19. No. 3. P. 521-541. https://doi.org/10.1177/1354066113494327

Holling C.S. 1973. Resilience and Stability of Ecological Systems. – *Annual Review of Ecology and Systematics*. Vol. 4. No.1. P. 1-23. https://doi.org/10.1146/annurev.es.04.110173.000245

Lebow R. N. 2008. Identity and International Relations. – *International Relations*. Vol. 22. No. 4. P. 473-492. https://doi.org/10.1177/0047117808097312

Neumann I.B. 2017. *Russia and the Idea of Europe: a Study in identity and International Relations*. London, New York: Routledge.

Non-Western International Relations Theory. Perspectives on and beyond Asia. 2013. Ed. by A. Acharya, B. Buzan. New York: Routledge.

Rosenberg J. 2016. International Relations in the Prison of Political Science. – *International Relations*. Vol. 30. No. 2. P. 127-153. https://doi.org/10.1177/0047117816644662

Rumelili B. 2012. Liminal Identities and Processes of Domestication and Subversion in International Relations. – *Review of International Studies*. Vol. 38. No. 2. P. 495-508. https://doi.org/10.1017/S0260210511000830

The Routledge Handbook of International Resilience. 2016. Ed. by D. Chandler, J. Coaffee. London: Routledge. 420 p.

Waever O. 2017. 'Still a Discipline After All These Debates?' – *International Relations Theories: Discipline and Diversity*. Ed. by T. Dunne, M. Kurki and S. Smith. Oxford: Oxford University Press. P. 306-328.

Wendt A. 2015. *Quantum Mind and Social Science. Unifying Physical and Social Ontology*. Cambridge: Cambridge University Press. 354 p.

Alekseyeva T.A. 2016. The Debates about "Great Debates": How to Structure the Theory of International Relations. – *Polis. Political Studies*. No. 6. P. 9-21. (In Russ.) https://doi.org/10.17976/jpps/2016.06.02

Alekseyeva T.A., Lebedeva M.M. 2016. What Is Happening to the Theory of International Relations. – *Polis. Political Studies*. No. 1. P. 29-43. (In Russ.) https://doi.org/10.17976/jpps/2016.01.03

Alekseyeva T.A., Mineev A.P., Loshkariov I.D. 2017. "Quantum-like" Theory of Decision Making in Political Science. – *Polis. Political Studies*. No. 4. P. 22-32. https://doi.org/10.17976/jpps/2017.04.03

Badiou A. 2005. Metapolitics. (Russ. ed.: Badiou A. *Meta/politika: mozhno li myslit' politiku*. Moscow: Logos).

Karyagin M.E., Sungurov A.Yu. 2016. Contemporary Russian Political Science Community – the First Steps to the Analysis. – *Polis. Political Studies*. No. 2. P. 8-20. (In Russ.)

Konyshev V.N., Sergunin A.A. 2013. International Relations Theory: on the Threshold of New "Great Debates"? – *Polis. Political Studies*. No. 2. P. 66-78. (In Russ.) URL: http://www.politstudies.ru/article/4687 (accessed 10.01.2019).

Konyshev V.N., Sergunin A.A. 2017. "The Great Debates": The Means of Structuring or Periodization of International Relations Theory? – *Polis. Political Studies*. No. 4. P. 156-164. (In Russ.) https://doi.org/10.17976/jpps/2017.04.11

Pavlova E. 2017. Resilience of Neoliberalism: Indigenous Bourgeois in Bolivia. – *Latynskaya Amerika*. No.11. P. 39-48. (In Russ.)

Patrushev S.V. 2016. On the Addressees of Political Knowledge. – *Polis. Political Studies*. No. 5. P. 152-159. (In Russ.)

Pushkaryova G.V. 2017. Ideas and Values as a Method of Constructing Symbolic Space of the National Identity. – *Polis. Political Studies*. No. 5. P. 156-173. (In Russ.) https://doi.org/10.17976/jpps/2017.05.11

Romanova T. 2017. Resilience Category in the European Union. – *Contemporary Europe*. No. 4. P. 17-28. (In Russ.)

Said E. 2006. Orientalism. (Russ. ed.: Said E. *Orientalizm. Zapadnye kontseptsii Vostoka*. Moscow: Russkii Mir).

Shvyrkov A.I. 2016. Theory, Discourse and Political Reality. – *Polis. Political Studies*. No. 5. P. 66-79. (In Russ.)

Smorgunov L.V. 2012. Political Between: the Phenomenon of Liminality in Contemporary Politics. – *Polis. Political Studies*. No. 5. P. 159-169. (In Russ.)

Sokolov M.M. 2012. Studying Local Academic Communities. – *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. No. 6. P. 76-82. (In Russ.)

Strezhneva M.V. 2017. Methodological Aspects in the Study of Foreign Policy and Global Role of the European Union. – *Polis. Political Studies*. No. 6. P. 25-42. (In Russ.)

Tkhagapsoyev Kh.G. 2013. In Search of a New Methodological Paradigm in Political Science: the Identity Approach. – *Polis. Political Studies*. No. 4. P. 173-181. (In Russ.)

Treshchenkov Ye.Yu. 2019. Resilience in discourses of the European Union and International Organizations. – *International Organisations Research Journal*. No. 1. (In print)

Turchenko M.S., Zavadskaya M.A. 2017. Casual Mechanism vs Pile of Facts: How to Evaluate Casual Links in Case Study Research. – *Polis. Political Studies*. No. 2. P. 134-146. https://doi.org/10.17976/jpps/2017.02.09

Литература на русском языке

Алексеева Т.А. 2016. Дебаты о "Великих дебатах": как структурировать теорию международных отношений? – *Полис. Политические исследования*. № 6. С. 9-21. https://doi.org/10.17976/jpps/2016.06.02

Алексеева Т.А., Лебедева М.М. 2016. Что происходит с теорией международных отношений. – *Полис. Политические исследования*. № 1. С. 29-43. https://doi.org/10.17976/jpps/2016.01.03

Алексеева Т.А., Минеев А.П., Лошкарев И.Д. 2017. "Квантовая" теория принятия решений в политической науке. – *Полис. Политические исследования*. № 4. С. 22-32. https://doi.org/10.17976/jpps/2017.04.03

Бадью А. 2005. *Мета/политика: можно ли мыслить политику*. М.: Логос. 239 с.

Карягин М.Е., Сунгуров А.Ю. 2016. Современное российское политологическое сообщество – первые шаги к анализу. – *Полис. Политические исследования*. № 2. С. 8-20. http://dx.doi.org/10.17976/jpps/2016.02.02

Конышев В.Н., Сергунин А.А. 2013. Теория международных отношений: Канун новых "великих дебатов"? – *Полис. Политические исследования*. № 2. С. 66-78. URL: http://www.politstudies.ru/article/4687

Конышев В.Н., Сергунин А.А. 2017. "Великие дебаты": способ структурирования или периодизации теории международных отношений? – *Полис. Политические исследования*. № 4. С. 156-164. https://doi.org/10.17976/jpps/2017.04.11

Павлова Е.Б. 2017. Стрессоустойчивость неолиберализма: "индейская буржуазия" в Боливии. – *Латинская Америка*. №.11. С. 39-48.

Патрушев С.В. 2016. К вопросу об адресате знаний о политике – *Полис. Политические исследования*. № 5. С. 152-159. https://doi.org/10.17976/jpps/2016.05.13

Пушкарева Г.В. 2017. Идеи и ценности как способ конструирования символического пространства национальной идентичности. – *Полис. Политические исследования*. № 5. С. 156-173. https://doi.org/10.17976/jpps/2017.05.11

Романова Т.А. 2017. Категория "стрессоустойчивость" в Европейском союзе. – *Современная Европа*. № 4. С. 17-28.

Саид Э. 2006. *Ориентализм. Западные концепции Востока*. Москва: Русский мир.

Сморгунов Л.В. 2012. Политическое "между": феномен лиминальности в современной политике. – *Полис. Политические исследования*. № 5. С. 159-169.

Соколов М.М. 2012. *Изучаем локальные академические сообщества*. – *Социс. Социологические исследования*. № 6. С. 76-82.

Стрежнева М.В. 2017. Методологические аспекты в изучении внешней политики и глобальной роли Европейского союза. – *Полис. Политические исследования*. № 6. С. 25-42. https://doi.org/10.17976/jpps/2017.06.03

Трещенков Е.Ю. 2019. Стрессоустойчивость (resilience) в дискурсах Европейского союза и международных организаций. – *Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика*. № 1. (В печати)

Турченко М.С., Завадская М.А. 2017. Каузальный механизм vs нагромождение фактов? Критерии оценки причинно-следственных связей в case studies. – *Полис. Политические исследования*. № 2. С. 134-146. https://doi.org/10.17976/jpps/2017.02.09

Тхагапсоев Х.Г. 2013. В поисках новой методологической парадигмы политической науки: Принцип идентичности. – *Полис. Политические исследования*. № 4. С. 173-181.

Швырков А.И. 2016. Политическая теория, дискурс и реальность: предварительный анализ взаимоотношений. – *Полис. Политические исследования*. № 5. С. 66-79. https://doi.org/10.17976/jpps/2016.05.06